

*Протоиерей Сергей Мовсесян,
кандидат философских наук,
кандидат богословия, доцент Института
теологии имени свв. Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета*

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СВОБОДЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Рожденное от плоти есть плоть,
а рожденное от Духа есть дух <...>
Дух дышит, где хочет.*

[Иоан. 3:6, 8]

В настоящей статье речь будет идти в первую очередь о богословском образовании, а не об университетских свободах. В частности, хочется поставить вопрос о том, насколько для решения задач православного богословия полезны так называемые университетские свободы, а шире — возможно ли православное богословие в университете?

Может показаться, что ответ на этот вопрос вполне очевиден: да. Существование теологии в университете было структурообразующим для западного средневековья. Богословие входит в университеты постсоветских государств. Мы проводим нашу конференцию в Институте теологии, что само по себе подтверждает оптимистический взгляд на будущее университетского богословия.

Однако существуют вопросы, которые заставляют более внимательно отнестись к месту богословия в университете. Они поступают как со стороны церковного, так и со стороны светского сообщества. Завершившаяся буквально пару дней назад конференция в Киеве наглядно показала это¹.

Если помнить максимум, восходящую к Евагрию Понтийскому, согласно которой богословом называется тот, кто молится, и обратно: тот, кто молится — богослов, — то не будет ли выхолащиваться, размываться духовная составляющая богословия в светском вузе? Не произойдет ли подмена богословия религиозной философией, а потом философией религии, а потом религиоведением, что порой звучит как «предательство»

---

¹ См.: http://pgk.in.ua/index.php/uk/nashi-proektu/2012-09-26-12-44-42/anonsy_ubs_ukr/493-bogoslovya2013uk.

изначальной задачи богословия? Необходимо сохранить существующие формы преподавания богословия в духовных семинариях и академиях. Сохраняя их автономию (как например, автономию военных академий, медицинских учреждений образования), необходимо добиться государственного признания научных степеней, дипломов и в целом их значимости для общества.

С другой стороны, присутствие теологии в университете предполагает присутствие в нем – в той или иной форме – Церкви. Не нарушает ли это светскости образования и, более того, фундаментального принципа университетских свобод, на котором зиждется специфический способ аккумуляции и трансляции знания в вузе? О какой свободе исследования можно говорить, если теология обуздана догматами?

Полагаю, что мы все можем умножать подобные вопросы, которые очерчивают проблемное поле понятия «университетская теология».

Чтобы ответить на них, мы, во-первых, должны обозначить задачи православного богословия. Во-вторых, прояснить, что понимается под университетскими свободами. После этого можно будет сделать вывод о том, отвечает ли университетская форма научного поиска и преподавания задачам православного богословия.

1. Богословское образование

Чтобы разговор был предметным, обратимся к анализу, проведенному почетным доктором нашего Института – митрополитом Иларионом (Алфеевым) – на основании изучения духовного образования на христианском Востоке в I–IV веках, и воспроизведем в общих чертах выводы его исследования¹.

Интерес к этому периоду связан, во-первых, с тем, что он ближе всего к первохристианской общине. Во-вторых, знание там воспроизводилось в собственных формах, далеких от форм европейского университета XIII и позднейших веков.

«Прежде всего, раннехристианская духовная школа была единой общиной, братством людей, объединенных одной целью, одной задачей (это в равной степени относится к апостольской общине, к школе Оригена и к Нисибийскому училищу)»², – пишет митр. Иларион. Очевидно, что цель эта была вполне конкретна – Богопознание. Все прикладные дисциплины были направлены на

---

¹ Иларион (Алфеев), епископ. Православное богословие на рубеже эпох. 2-е изд., доп. К.: Дух и литера, 2002.

² Там же. С. 308.

то, чтобы наставить и, далее, сохранить в чистоте веру и нравы конкретных общин. Так было в знаменитой Александрийской школе, один из первых руководителей которой – Климент Александрийский – пишет для обучения в школе трилогию: «Протрептика» («Увещание к эллинам», обращенное к желающим принять таинство крещения эллинам), «Педагог» (где говорится о нравственных началах христианской жизни) и «Строматы» (раскрытие сокровенного христианского гнозиса).

Сходное видение задач духовной школы обнаруживает епископ в своей статье «Евхаристическая педагогика»: «Я уверен, что только в обращенности к Евхаристии может состояться действительная православная педагогика, только Евхаристичность создаст действительно православную семью, Евхаристия же оживотворит действительно православную школу»³.

В так понимаемой школе отношения между учителем и учеником строились, согласно митр. Илариону, на основе взаимного доверия; учеников и учителя скрепляли тесные узы дружбы.

В духовной школе христианского Востока ключевой фигурой был ректор. Он являлся духовным руководителем школы, определял общее направление ее деятельности. Он был своего рода духовным отцом учащихся.

Знаменитый Ориген, преемник Климента Александрийского на посту ректора школы, стремился привить своим ученикам понимание красоты сотворенного мира, для чего, помимо обычных уже философских наук, читал еще математику, физику и астрономию. Он считал, что благовествовать современным образованным эллинам можно только тогда, когда ты сам имеешь серьезную научную подготовку. Интересно, что в сирийских школах отдельно преподавалась каллиграфия.

В древнехристианских школах наставники формировали у учащихся навыки самостоятельной работы (Ориген, в частности, приучал своих слушателей не только ставить вопросы, но и самим находить на них ответы). Забегая вперед, мы можем указать на сходство этого подхода к тому, что составляет суть гумбольдтовской реформы образования (XIX в., Германия).

---

³ *Филипп (Осадченко), епископ.* Православная миссия: православная семья и православная школа. Очерк евхаристической педагогики // Доклад епископа Полтавского и Кременчугского Филиппа, Председателя Синодального отдела религиозного образования, катехизации и миссионерства Украинской Православной Церкви на XIII Рождественских Чтениях. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/01/24/pravoslavnyaya_missiya_pravoslavnyaya_sem_ya_i_pravoslavnyaya_shkola_ocherk_evharisticheskoy_pedagogiki/

Вильгельм фон Гумбольдт говорил: «Университетский преподаватель более не учитель, а студент – не ученик. Вместо этого студент самостоятельно проводит исследования, а профессор руководит ими и поддерживает студента в его работе».

Итак, ключевые понятия раннехристианского богословского образования, история которого реконструируется в работе митр. Илариона (Алфеева), следующие: образование как Богопознание (Евагрий Понтийский: «Кто молится, тот богослов, кто богослов, тот молится»); община, живущая как братство во Христе (сюда же можно отнести комплекс идей, обозначенных термином «евхаристическая педагогика»); руководитель школы как духовный отец; постижение внешних наук; формирование навыка самостоятельного мышления.

2. Университет

Теперь необходимо коснуться того, что понимается под университетскими свободами.

Здесь необходимо сразу же сделать некоторые оговорки. В литературе иногда можно встретить утверждения о том, что первые университеты появились не в Европе. К первым учебным заведениям университетского типа относят Академию Ханьлин (Китай, 738) или Аль-Карауин (Марокко, 859 г.).

Нет смысла оспаривать значение этих выдающихся учебных заведений. Но важно отметить специфику того, чем является университет. Его существенной, основополагающей чертой является наличие в нем автономии, того, что мы в заглавии обозначили как университетские свободы. Чтобы прояснить смысл этого термина, необходимо сказать несколько слов об истории возникновения университета.

Общеизвестно, что *universitas* в переводе с латинского языка означает совокупность, общность. Речь идет о профессиональных союзах, защищающих свои права перед лицом внешних сил: городской власти, короля, местного епископа. П. Ю. Уваров, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, датирует появление термина «университет» 1209 г.⁴ Впервые он употребляется в декрете папы Иннокентия III, явившегося ответом на запрос парижских магистров, датированный предыдущим годом.

---

⁴ См.: Уваров П. Ю. У истоков университетской корпорации // <http://www.polit.ru/article/2010/02/04/university/>

Позволим себе привести цитату из публичной лекции П. Ю. Уварова, в которой тот рассказывает об обстоятельствах появления термина: «Оказывается, магистры теологии, канонического права и свободных искусств в 1208 г. избрали комиссию в составе восьми человек, чтобы составить регламенты, относящиеся к обучению, одежде магистров и организации похорон умерших коллег. Позже все магистры поклялись друг другу в том, что будут выполнять указанные требования, т. е. формально мы имеем дело с *conjuratio* – той самой взаимной присягой, которая лежала в основе всякого «университета» (*universitas*).

В тексте папского декрета об этом говорится походя, поскольку речь идет в основном о разрешении конфликта. Некий магистр Г. отказался принести присягу, хотя «*Universitas Magistrorum*» (вот оно – первое употребление термина!) трижды вызывал его с этой целью. Тогда его официально исключили из «университета».

Далее П. Ю. Уваров говорит, что спецификой вновь рождающейся магистерской корпорации было то, что она сама формировала механизм саморегуляции. Понятно, что эта автономия была условна. Она рождалась в условиях поиска точки опоры для борьбы с теми, кто видел в свободной корпорации ученых угрозу собственному благополучию. Такой точкой опоры становилась централизованная власть папы, иногда короли, то есть это были те институты, которые вовремя сумели осознать выгоду от сотрудничества с этим профсоюзом вольных интеллектуалов в своей собственной борьбе с местной властью.

Университет не смог бы возникнуть, по мысли П. Ю. Уварова, без одновременного стечения следующих обстоятельств: без предшествующей Григорианской реформы, или «папской революции» XI–XII вв., в результате которой возникает единая Церковь под эгидой Папы, столь непохожая ни на Церковь предшествующего периода, ни на христианскую Церковь в соседней Византии;

– без удивительного взлета и развития городов, гарантировавших оптимальные условия для существования особой среды городских интеллектуалов. Только в крупном городе можно было прокормить и разместить эту толпу школяров и магистров, и все понимали, что именно с городским образом жизни связан этот новый, невиданный ранее тип мудреца, живущего не в монастырском уединении, а среди шумных городских улиц;

– без массового распространения в XII в. «*conjuraciones*», или «университетов», основанных на взаимной присяге, – в виде

городских коммун, религиозных братств, ремесленных и купеческих гильдий, что создало форму, которую использовали магистры.

Можно назвать еще массу важных обстоятельств и причин. Но ни одна из них не действовала сама по себе, автоматически. Очень важен был «человеческий фактор», то, что сформировалось поколение талантливых единомышленников, уверенных в необходимости преобразований и способных эти преобразования осуществить.

Появление университетской теологии с самого момента своего возникновения сопровождалось конфликтами. Приведем характерный отрывок, описывающий это противостояние на примере Парижа, из замечательной книги Жака Ле Гоффа «Интеллектуалы в средние века». Ле Гофф пишет: «Так Париж реально или символически делается для одних городом-светочем, первоисточником интеллектуальных радостей, а для других – дьявольским вертепом, где разврат испорченных философией умов перемешался с мерзостью жизни, преданной игре, вину и женщинам. Большой город – место гибели, а Париж – это современный Вавилон. Св. Бернар взывает к парижским учителям и студентам: *Покиньте сей Вавилон, бегите, спасайте ваши души. Летите все вместе в города-приюты, где сможете раскаяться в прошлом, жить благодатью в настоящем и с надеждой о будущем (речь идет о монастырях). В лесах ты найдешь куда больше, чем в книгах. Деревья и камни научат тебя большему, чем любой учитель*»⁵.

Мы помним, что именно из круга Абеяра происходил великий смутьян клерикального сознания средневековья Арнольд из Брешии. Он был наиболее ярким, но далеко не единственным. Поэтому понятно, что следуя воинско-монашескому позыву собственного сердца, святой Бернар созывает «крестовый поход» против Абеяра и его присных. Он пишет епископу Герману Констанцкому: «Арнольд из Брешии, обращение которого мед, но учение которого яд, у которого голова голубя и хвост скорпиона, которого Брешия извергла, Рим отверг, Франция изгнала, которым гнушается Германия, и Италия не желает принять обратно, находится, говорят, у вас. Остерегайтесь, прошу вас...»⁶.

Но многие по-другому смотрят на Париж, и на рождение нового,

---

⁵ Жак Ле Гофф. Интеллектуалы в средние века. С. 8.

⁶ Цит. по: Рожков В. Очерки по истории римско-католической Церкви. С. 200–201.

городского стиля жизни, образования, теологии. Вот слова аббата Филиппа Арвеньского, обращенные к некоему молодому ученику: «Следуя любви к науке, ты теперь в Париже. Ты обрел тот Иерусалим, коего жаждут многие. Это – дом Давидов, ... дом мудреца Соломона. Такое стечение народа, такая толпа клириков, что скоро они числом своим превзойдут мирян. Счастлив тот город, где с таким рвением читают священные книги, где сложнейшие тайны разрешаются по милости Св. Духа, где столько знаменитых профессоров, где такая богословская ученость, что можно назвать его градом свободных искусств!»⁷.

Эти зарисовки из жизни начала европейских университетов показывают, что появление новой, «рыночной» формы образования, в частности образования богословского, было встречено совершенно по-разному.

Университет выжил. Именно университетская теология породила такую форму собственного мышления как схоластика. Более того, жизнь университетов именно в их городской, рыночной беспорядочности/самоуправляемости стала постепенно градообразующим фактором многих средневековых городов и даже началом великих религиозных перемен в жизни Европы. Так можно вспомнить, что желание ландграфа Фридриха Мудрого иметь в Саксонии университет, славный своими профессорами, привело к его спасительному покровительству над доктором Виттенбергского университета Мартином Лютером, несмотря на то, что последний был уже под пристальным присмотром инквизиторской канцелярии Рима. Мы помним, чем все это обернулось...

Университет менялся, приобретал новые черты. Постепенно он стал не только местом получения образования, но и местом фундаментальных исследований.

К концу XX века, отмечает исследовательница принципов академической автономии Л. М. Волосникова, университет выполнял в обществе следующие функции: «образовательную, исследовательскую (познавательную и прикладную), дессиминационную (распространение знания через образование, конференции, патенты, публикации), консалтинговую, производительную (производство наукоемкой товарной продукции, востребованной рынком)»⁸.

В этой же статье автор приводит информацию о множестве

---

⁷ Жак Ле Гофф. Интеллектуалы в средние века. С. 9.

⁸ Волосникова Л. М. «О принципе академической автономии» // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 5. С. 45.

международных документов, в которых определяется содержание понятия академической свободы. Л. М. Волосникова делает следующий вывод: «Таким образом, в официальных международных... документах под академической свободой понимается «автономия с ответственностью» с акцентом на последнее. Университеты должны обладать академической свободой, они должны иметь право самостоятельно формировать свою стратегию, выбирать свои приоритеты в обучении и проведении научных исследований, расходовать свои ресурсы, профилировать свои программы и устанавливать свои критерии для приема своих профессоров и учащихся»⁹.

Итак, совместимы ли задачи богословского образования и университетская форма его осуществления? Для истории университетов Европы этот вопрос – риторический: конечно, да.

Подлежит ли опыт европейской университетской теологии критике? Да. Взять хотя бы недавний пример профессора теологии Геттингенского университета Герда Людемана. В 1998 г. он опубликовал эссе «Письмо Иисусу», в котором заявил, что потерял веру. Опираясь на принципы университетской свободы и вопреки требованию Церкви Нижней Саксонии уволить его как профессора, читающего курсы, противные христианскому вероучению, он добился того, что остался преподавателем университета, хоть и не на теологическом факультете. Но что означает этот пример? Полагаю, лишь то, что сам человек не справился с той степенью свободы, которую дает университет.

Как треугольник без вершины перестает быть треугольником, а становится другой фигурой – трапецией, так и теология без веры перестает быть теологией, а становится чем-то иным: историей раннехристианской литературы, текстологией, археологией, религиоведением – да чем угодно.

С другой стороны, и сама вершина треугольника в той мере, в которой мы готовы определять ее в терминах геометрии, будет геометрической фигурой. То есть вера, будучи осмыслена в научных терминах, становится богословием, независимо от того, где это осмысление происходит: в университете или в духовной академии.

Тогда задача богословского образования может быть определена как единство веры и рефлексии. Здесь не место для обсуждения возможности такого синтеза. В истории он реализовался в

---

⁹ Там же. С. 47.

различных вариантах. Можно выбирать. Главное, чтобы были те, кто способен к синтезу, люди веры, готовые исполнить завет апостола Петра: «всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пт. 3:15).

Необходимо создавать условия появления личностей. Первое из таких условия – это свобода. Личность может быть консервативной, но при этом нельзя ломать живое начало образования. И важно избегать решений, способных разрушить личное начало, то есть решений, направленных на обеспечение некоторой формы, якобы способной сохранить девственную чистоту богословского сознания. К чистоте восходят через «пот и кровь» аскетического подвига, через обретение такого бесстрастного созерцания, к которому не примешиваются замешанные на болезненном самолюбии «ереси».

Университетская свобода может привести к замене богословия религиоведением, однако не в силу имманентных университету закономерностей, а только тогда, когда люди не будут находить ответа на свои вопросы в богословии. К сожалению, история духовных школ показывает нам весь ужас безжизненного формализма, породившего не просто атеистов, но воинственных безбожников, чьи имена хорошо известны.

Полагаю, что страх перед университетским богословским образованием является следствием вполне понятной неуверенности в собственных силах богословов постсоветского интеллектуального пространства. И также неосознанным стремлением полностью контролировать результаты собственной образовательной деятельности, что, думаю, в принципе невозможно. Надо сеять, а Господь произведет плод Ему ведомыми путями. Нужно стремиться к тому, чтобы в университетах была часовня, чтобы студенты мыслили себя свободными членами евхаристической общины. Чтобы творческий поиск не возбранялся, а покрывался любовью преподавателей и администрации, которые, как в первых христианских школах, сами были бы и духовными и интеллектуальными руководителями учеников. И это общее правило как для университета, так и для духовной академии.